

Елена СОЙНИ

г. Петрозаводск

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Столетию со дня рождения Эйно Карху посвящается

*Эйно Генрихович Карху (1923–2008) –
доктор филологических наук,
заслуженный деятель науки РСФСР,
заслуженный деятель науки
Карельской АССР (1969),
лауреат Государственной премии
Карельской АССР (1983),
лауреат Государственной премии
Республики Карелия (2002),
Почётный гражданин
Республики Карелия (1999).*

«СЕВЕР», N 9-10 2024

Член Союза писателей России, автор многих переводов и книг по истории литературы и фольклора Э.Г. Карху положил начало систематическому изучению карельской и финляндской литературы в нашей стране. Но не только. Эйно Генрихович был постоянным автором журнала «Север», десятки лет из номера в номер выходили его статьи в разделе «Критика». Эйно Генрихович был напрямую связан с появлением на страницах журнала русской деревенской прозы. Именно его в 1965 году главный редактор «Севера» Д.Я. Гусаров попросил написать внутреннюю (закрытую) рецензию на «Привычное дело» Василия Белова, словом, взять на себя ответственность за первую в стране публикацию. Заручившись одобрительной рецензией Э.Г. Карху, только что защитившего докторскую диссертацию, Дмитрий Яковлевич дал добро на публикацию повести в первом номере «Севера» за 1966 год, принесшей славу и журналу, и писателю.

Многие из нас познакомились с творчеством Эйно Генриховича в раннем детстве, когда родители читали нам в его переводе карельскую сказку «Белка, рукавица и иголка». В школьные годы мы зачитывались увлекательной повестью Алексиса Киви «Семеро братьев», даже не подозревая, что, когда Карху переводил ее, сам был всего лишь студентом. Я была просто восхищена русским языком переводчика, а ведь до пятого класса Эйно даже не говорил по-русски. В каком-то смысле судьба героев А. Киви коснулась и самого Эйно Генриховича. Он родился в 1923 году в Ленинградской области. В семье ингерманландских крестьян было пятеро детей. Из сыновей Эйно был младшим. К крестьянскому труду он был приучен с детства и на всю жизнь сохранил презрение к барству, лености и считал важнейшим смыслом человеческой жизни стремление к созиданию.

Сейчас я сижу в рабочем кабинете за его столом, и даже на его стуле, смотрю в те же самые окна и вижу мир его глазами. Помню его любимую фразу: «Самое главное я написал в книгах, я не могу сказать лучше». Но он говорил. Его слова будто прорастали во мне. Наши беседы были долгими. Он открыл мне «Философию символических форм» Эрнста Кассирера задолго до того, как эта книга была переведена на русский язык. Из его рук я получила «Мимесис» Эриха Ауэрбаха и «Эстетику» Дьёрдя Лукача, «Литературные впечатления» Георга Брандеса и стихи Эйно Лейно. Эйно Генрихович настоятельно рекомендовал конспектировать книги и сам делал карандашом выписки с комментариями в тонких школьных тетрадях. Тетрадей набралось достаточно много, сотрудница нашего Института языка, литературы и истории Н.В. Чикина и финские коллеги из фонда «Юминкео» оцифровывали их не один год.

Каждый раз, читая книги Эйно Генриховича, я понимаю, что мы можем только идти по его следам. О финской литературе XIX века он сказал в отечественном литературоведении всё, исчерпывающе охарактеризовав основные закономерности литературных направлений разных лет. Сами финны шутили, что о литературе Финляндии Эйно Карху знал больше, чем они. И не только о литературе. Возможно, о философии он знал больше, чем философы, а о фольклоре больше, чем фольклористы. Любопытно, что директор ИРЛИ (Пушкинского дома) В.Г. Ба-

занов, приглашая Эйно Генриховича переезжать в Ленинград, предложил ему возглавить именно отдел фольклора.

Моя первая встреча с Карху произошла на вечере, посвященном 150-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского, в ноябре 1971 года. Эйно Генрихович, работавший над книгой «Достоевский и финская литература», выступал с докладом. Я еще не думала о филологии, собиралась поступать на астрономическое отделение математического факультета и на вечер пришла с мамой, сотрудницей отдела гидрологии Карельского филиала АН СССР. В актовом зале, где это проходило, вдруг погас свет, стало совершенно темно, находчивые организаторы не растерялись и быстро принесли свечу. Свеча стояла на кафедре, освещая его лицо, строгое, но абсолютно не похожее на лики мудрецов, пророков, как их изображают художники-классики, а на стене между барельефами Маркса и Ленина вырисовывалась большая тень от головы Эйно Генриховича. В моем представлении так выглядел Микеланджело, ваявший со свечой свои работы. Доклад, прочитанный Карху при свете свечи, произвел на меня, можно было бы сказать, мистическое впечатление, но Эйно Генрихович не любил слово «мистика». Он говорил о противоречивом восприятии финнами творчества русского писателя, о критиках, которые вместо аналитического осмысления предпочитали повторять невнятные слова об отличии русского мистицизма от мистицизма западного, о видных писателях Вяйнё Линна и Марианне Алопеус, «оживавших» мир романов Достоевского. Тогда, в 1971 году, я даже не предполагала, что через семь лет стану аспиранткой Эйно Генриховича. Второй раз я увидела его улыбающимся в кабинете, залитом солнечным светом. Здесь, в 510-м кабинете Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, нам вместе довелось работать почти тридцать лет.

Современники порой называли Эйно Генриховича одиноким человеком. Он и сам признавался, что любил в одиночестве каждое утро ходить на набережную, ездить на рыбалку на Сямозеро. Но в кабинете от «одиночества» Эйно Генриховича не оставалось и следа. Он всегда находился в центре научной дискуссии, аргументированно и страстно спорил.

Особое отношение у Эйно Генриховича было к поэзии. Возможно, в этом разгадка нашего вза-

имопонимания. Он не раз повторял, что в античности проза вообще не считалась литературой. В школьные годы Эйно, еще плохо знавшего русский язык, настолько покорили стихи Пушкина, что он решил написать его портрет маслом. «В ссылке были примитивные условия жизни, клопы и все прочее», – вспоминал Эйно Генрихович, – а Пушкин открывал ему совершенно другой мир, мир высокой дружбы юношеской. И молодому Карху верилось, что есть другая жизнь, чем та, которой жили ссыльные.

С детства Эйно Генрихович писал стихи. Об этом он впервые признался, когда я беседовала с ним в канун его 70-летнего юбилея. Сочинял он довольно долго, но все же понял, что поэзия нуждается в особом качестве мышления, и, по его словам, ему это трудно давалось: «Я помню, в армии, даже во время войны, стоишь на посту, 4 часа утра, никого нет, тишина, и вот долбишь строку одну в уме». Тут бы молодому Эйно помог верлибр, который позже стал предметом его исследований. Не одну главу в своих книгах он посвятил анализу свободного стиха. Но в молодые годы Эйно Генриховича верлибр не был у нас популярен. А силлабо-тоника действительно скрывает полет фантазии поэта, пишущего по-фински. От поэтов-финнов требуется владение поистине виртуозной техникой стихосложения, когда они пытаются финскую речь с ее мелодичностью, долгими гласными и, главное, фиксированным ударением облечь в строгие силлабо-тонические размеры. Трудно давалось всем поэтам. Основательницей верлибра в финской лирике считается Катри Вала, до нее еще Эйно Лейно, лидер финского неоромантизма, делал несколько попыток освободить стих. Полностью перешло на верлибр поколение модернистов.

Когда Карху пишет о модернистах, он пишет, в общем-то, о своих современниках: Эве-Лизе Маннер, Пааво Хаавикко, Кае Лайтинене, пишет об утверждении в финской поэзии верлибра, хвалит переводы Изабеллы Бочкаревой и сам переводит. Уже не приходится «долбить строку», находят слова, концентрируется мысль. Сейчас о поэтическом таланте Эйно Карху можно судить только по переводам, причем переводил он чаще с выученного шведского, а не с родного финского. Стихи Эдит Сёдергран приводили его в трепет, заставляли находить в русском языке эквиваленты и столь точные слова, что перевод Карху вызывает у читателей те же чувства, что и оригинал:

*Насмешники и скептики,
Не прикасайтесь вашими руками
К таинству жизни – она божественна!
Она – для рук ребенка.*

Эйно Генрихович видел в стихах Сёдергран поэтический темперамент сродни цветаевскому, считал, что именно Сёдергран открыла путь экспрессионизму в Финляндии, и посвятил поэтессе главы в нескольких книгах.

Одна из лидеров «второго» финского модернизма Эва-Лиза Маннер восхищала Карху своим интеллектом. И если в адрес поэтов-мужчин Карху мог отпустить дерзкую шутку, написать не одну страницу критики, то Маннер его пером была поистине обласкана. Эйно Генриховичу нравилось, что Маннер благодаря чтению сама «сделала свою голову», что ее излюбленный символический образ – конь, любим и самим Эйно Генриховичем с детства. По мнению Карху, ее метафизические идеи, как бы ни были умозрительны, согреты душевным теплом и имеют социальную окраску. Он выбирал для перевода цитаты, иллюстрирующие его мысль, что обращение поэта к древности – способ подчеркнуть трагическую сторону истории.

*Как близки прошлые эпохи ...
И как далеко настоящее, которое чуждается
Находящегося рядом.*

Карху видел в поэзии Маннер образ скорби, чувство сострадания к беднякам. На писательских собраниях Эйно Генрихович не раз говорил, что, если поэзия не слышит голоса голодных, она не имеет права на существование.

В его двухтомной «Истории литературы Финляндии» поэзии отведено немало места. И каждый раз он задавался вопросом: «Что движет тем или иным поэтом – цинизм или сострадание?»

Когда книги Эйно Генриховича были изданы в Финляндии, он стал получать огромное количество писем. Финские поэты и писатели были благодарны петрозаводскому исследователю, а моя коллекция почтовых марок быстро пополнялась. Молодые университетские преподаватели Финляндии с левыми взглядами восторженно приняли его книги. «Мы читали Карху, как христиане Библию», – вспоминал Кари Салламаа. Но некоторые профессора реагировали сдержанно. Подобного панорамного исследования литературы в

контексте мировой истории и философии в Финляндии не выходило вообще. В чем можно было упрекнуть Карху, разбиравшегося в идеях Фридриха Ницше и Анри Бергсона лучше философов, переводившего с нескольких языков, знавшего литературу с момента ее зарождения до самых последних книжных новинок?.. В связи с марксизмом! Критики посоветовали Карху отделить марксизм от литературоведения. Это вызвало у Эйно Генриховича улыбку. А ведь он даже не был членом партии, что, возможно, сказалось, когда его кандидатуру дважды отклоняли на выборах в члены-корреспонденты Академии наук. Никогда он не предлагал мне цитировать классиков марксизма-ленинизма, если это не было продиктовано исследовательской задачей, просто потому, что так принято, что так делают все.

Но в 1990-е Эйно Генрихович очень резко критиковал все, что происходило на политической арене. Он был уверен, что социализм себя не исчерпал, что если называть социализм утопией, то и христианство надо называть утопией тоже. Однако в политических дискуссиях он участвовал только в нашем кабинете, категорически отказывался быть автором статей для газет. Более того, сам, как и его любимая поэтесса Эва-Лиза Маннер, обратился к древности, решив написать книгу о фольклоре. Тем более что фольклором занимался еще в студенческие годы под руководством Е.М. Мелетинского.

Эйно Генриховичу, что называется, везло на учителей. Его поражали речь и суждения Д.В. Бубриха, преклонявшегося перед научным подвигом других людей. Как легенду слушал он лекции Бубриха о Матиасе Кастрене, совершавшем дальние поездки в Сибирь. А 27-летний Е.М. Мелетинский восхищал Карху своей эрудицией, знанием языков, читал Ронсара на французском диалекте наизусть, вызывал уважение и даже зависть. Будучи учеником Мелетинского, молодой Карху с особым рвением стал изучать языки: английский, французский, шведский. Немецкий был освоен еще в школе. В Хибинах его талантливо преподавала учительница-немка. А год в Оксфорде, проведенный Эйно Генриховичем после университета, сделал его блестящим знатоком английского. Мелетинский стремился опекать молодого Эйно, сделать из него фольклориста, познакомил с В. Я. Проппом, привлек к собственной научной работе, а позже не раз приглашал Эйно Генриховича работать в Институт мировой литературы.

Возвращение к исследованию фольклора потребовало от Эйно Генриховича колоссальных усилий. Он не раз ездил в библиотеки Финляндии, будучи в Стокгольме, проштудировал 16-томную энциклопедию по религии и фольклору на английском языке, стараясь написать о карельском и ингерманландском фольклоре на мировом теоретическом уровне. Уникальное издание «Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении», написанное Эйно Генриховичем, открывает «Историю литературы Карелии» в трех томах, удостоенную Государственной премии Республики Карелия. Вскоре вышла и его биография Э.Лённрота, первооткрывателя карело-финской народной поэзии, составителя «Калевалы»: «Элиас Лённрот. Жизнь и творчество». Тесная связь писателей с фольклором прослежена в книге Эйно Генриховича «В краю «Калевалы», посвященной литературе Карелии, создававшейся на карельском, русском и финском языках.

Эйно Генрихович принимал непосредственное участие в создании многотомной «Библиотеки финской литературы», выходящей в Москве в издательстве «Прогресс» в 1980-х гг., был членом редколлегии всей Библиотеки и составителем тома, посвященного поэзии. Работа по осмыслению большого количества фольклорных источников и не меньшего количества теоретических работ о фольклоре сказала на зрении Эйно Генриховича, которое стало быстро портиться. А отношение Карху к «Калевале» как литературно оформленному памятнику на основе фольклора не нашло сторонника в лице его ученика А.И. Мишина, считавшего «Калевалу» вслед за шведским филологом К. Виллундом авторской поэмой Э. Лённрота. Это огорчало Эйно Генриховича.

Самоотверженный труд приводил к бессоннице, к отстраненности от домашних забот. Но дом Карху был открыт. Его друзья и коллеги могли прийти в любой момент, предварительно, конечно, позвонив. Это был дом интеллектуала. Картины, стеллажи книг, стопки журналов. В расположении книг – не строгая, строжайшая система. Была видна рука заботливой хозяйки Тамары Прокофьевны – жены Эйно Генриховича. «Мне бы такую помощницу», – шутила я. Тамара Прокофьевна всегда предлагала чашку чаю и фрукты, а Эйно Генрихович – беседу. Конечно, Эйно Генрихович мог бы больше времени уделять Тамаре Прокофьевне. Журналистка, она оставила

работу в редакции, чтобы помогать знаменитому мужу. Она понимала, с ученым какого ранга связала ее судьба, и бескорыстно ему служила, в семейной жизни могло бы быть больше радости. Но это была бы уже другая жизнь. Неожиданная радость пришла к Эйно Генриховичу, когда в его доме, уже после ухода из жизни Тамары Прокофьевны, поселилась внучатая племянница Ольга с мужем Иваном Палкиным. Именно им довелось быть последними собеседниками видного филолога и мыслителя.

Книги Карху написаны блестящим русским языком, они увлекательны и одновременно серьезные. Его стиль можно сравнить разве что со стилем Д.С. Лихачева и А.Ф. Лосева. Неслучайно его статьи, книги, переводы постоянно переиздаются. И каждое поколение находит в книгах Эйно Генриховича идеи, созвучные времени.

Из книг Э.Г. Карху:

Карху, Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении : история литературы Карелии / Э. Г. Карху; РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) и др. – СПб. : Наука, 1994. – 239 с. – (История литературы Карелии); Т. 1.

Карху, Э. Г. Элиас Лённрот : жизнь и творчество / Э. Г. Карху ; Рос. Акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск : Карелия, 1996. – 237 с.

Карху, Э. Г. Малые народы в потоке истории : исслед. и воспоминания / Э. Г. Карху; РАН ; Карел. науч. центр ; Ин-т яз., лит. и истории ; [науч. ред. Е. И. Клементьев]. – Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1999. – 255 с.

Карху, Э. Г. Достоевский и финская литература / Э. Г. Карху ; Ин-т языка, лит. и истории Карел. фил. Акад. наук СССР. – Петрозаводск : Карелия, 1976. – 136 с.

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1800–1850 / Эйно Карху ; Тартус. гос. ун-т ; под ред. В. В. Похлебкина, И. И. Кяйвярайнена. – Таллин : Эстон. гос. изд-во, 1962. – 343 с. – (Скандинавский сборник).

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1850–1900 / Э. Г. Карху ; Акад. наук СССР, Петрозав. Ин-т яз., лит. и истории; [отв. ред. Т. К. Сумманен]. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 281 с.

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии : от истоков до конца XIX в. / Э. Г. Карху ; Акад. наук СССР, Ин-т языка, лит. и истории. – Л. : Наука, 1979. – 510 с.

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии, XX век / Э. Г. Карху ; отв. ред. М. Э. Куусинен ; Акад. наук СССР, Кар. фил., Ин-т яз., лит. и ист. – Л. : Наука, 1990. – 607 с.

Елена Григорьевна СОЙНИ

родилась в Петрозаводске.

Окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского госуниверситета.

Доктор филологических наук.

Автор пяти поэтических сборников

и нескольких пьес, шедших в театрах Петрозаводска,

Архангельска, Иванова и Читы.

Занимается переводами с финского и китайского.

Член Союза писателей России.

